

Алексей Писемский

Подводный камень

Алексей Феофилактович Писемский

Подводный камень

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661585

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 9: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Роман г. Авдеева состоит из двух частей и имеет то удобство, что рассказывается двумя словами. Эти два слова – «Полинька Сакс»: удобство немаловажное для библиографов и чрезвычайно важное для авторов, пишущих со второй руки. Существенные изменения, которые г. Авдеев сделал в Полиньке Сакс и которые он отчасти позаимствовал из «Кто виноват», отчасти выдумал сам, состоят в том, что Полинька Сакс (у г. Авдеева Наташа Соковлина), во-первых, выходит замуж...»

Содержание

Статья	4
Примечания	36

Алексей Феофилактович Писемский Подводный камень (*Роман г. Авдеева*)

Статья

Роман г. Авдеева¹ состоит из двух частей и имеет то удобство, что рассказывается двумя словами. Эти два слова – «Полинька Сакс»²: удобство немаловажное для библиографов и чрезвычайно важное для авторов, пишущих со второй руки. Существенные изменения, которые г. Авдеев сделал в Полиньке Сакс и которые он отчасти позаимствовал из «Кто

---

¹ Роман М. В. Авдеева (1821—1876) «Подводный камень» был напечатан в «Современнике», 1860, NoNo 10—11. Авдеев – второстепенный либеральный писатель, известность которого связана преимущественно с тремя романами: «Тамарин» (1852), «Подводный камень» и «Меж двух огней» (1868). В связи со своей книгой «Наше общество (1820—1870) в героях и героинях литературы» (1874) Авдеев написал очерк о героине «Тысячи душ» Настеньке Годневой.

² «Полинька Сакс» – повесть А.В.Дружинина, напечатанная в «Современнике» в 1847 году и вызвавшая одобрительную оценку В.Г.Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», Повесть Дружинина развивала мотивы романа Жорж Санд «Жак» (1834).

виноват»³, отчасти выдумал сам, состоят в том, что Полинька Сакс (у г. Авдеева Наташа Соковлина), во-первых, выходит замуж, по ее мнению, за очень достойного человека, не только без наивного, детского равнодушия к этому человеку, как было и следовало быть с настоящей Полинькой, а по чувству глубокой привязанности к нему, вследствие сознательного уважения к его лицу и характеру и по ее собственному выбору; во-вторых, она потом влюбляется не вследствие простого, непосредственного увлечения, как опять-таки было с ребяческой Полинькой, а по сознанию умственного превосходства над ее мужем его соперника (см. «Кто виноват»), влюбляется, стало быть, не в блестящего титулованного юношу, самую судьбою предназначенного для легких побед над неопытными сердцами, а, так сказать, в героя мысли, в пародию на Бельтова (переделанного и переименованного в Комлева), – и оставляет для этой пародии не только мужа, но вдобавок еще и сына; в-третьих, за эту пародию она замуж не выходит, потому что пародия, как и следует ожидать от лица такого звания, не берет ее, говорит, что так гораздо лучше; в-четвертых, погулявши по белому свету с новым избранником сердца, новая Полинька Сакс, подобно своему первообразу, догадывается, что это только так, а что настоящая, прочная и беспредельная привязанность в ней остается все-таки к мужу; тем не менее, даже и при этой догадке, и уже

---

³ «Кто виноват?» – роман А.И.Герцена, опубликованный в 1845—1847 годах в «Отечественных записках» и «Современнике».

наперекор своему первообразу, она не чувствует над собой никакой катастрофы, получает от поругавшегося над нею человека уверение в истинном почтении и возвращается под кровлю мужнего дома; кукольный муж, в свою очередь, величайшим трагизмом своего положения почитает одиночество и потому принимает ее в свои объятия с таким блаженным чувством, какого он не испытывал даже в то время, когда она не знала никаких посторонних объятий. К числу изменений следует, кроме этого, отнести и то, что роман свой г. Авдеев рассказал своими собственными словами, не позаимствовавшись ни у кого ни одною фразой, и рассказал притом словами столь отборными, какими по преимуществу рассказываются только умные вещи.

– Да где же тут подражание или заимствования? – скажут нам. – Это совершенно новая и оригинальная вещь. Брачные и любовные отношения составляют одну из величайших социальных задач не только нашего времени, но и времен прошедших и будущих. Что же удивительного, если бы г. Авдеев, желая быть писателем своего времени, в выборе своего сюжета встретился не с двумя только, а с целю сотнею писателей? Изумительного тут было бы одно, что между изящными литераторами, людьми большею частию консервативными, так много вдруг явилось таких, которые отзываются на голос времени. Г-н Авдеев отнесся притом к этой значительной задаче совершенно по-своему, иначе, чем оба предшествовавшие ему писатели, из которых один остановился

пред нею, как перед китайскою стеною, не предложивши никакого решения, а другой порешил ее по китайскому кодексу десяти тысяч церемоний – законным расторжением законного брака и столь же законным вступлением в другой законный брак. В мыслительной способности г. Авдеева совершился процесс такого рода: если любовь – чувство произвольное, столь же мало зависящее от нашей воли, как, например, ощущение голода, и если она – в высочайшей мере чувство законное, вследствие этой самой произвольности, то никакая санкция этого чувства не должна представлять для него никаких затруднений. Признавать за этой санкцией какие-нибудь обязанности и основывать на ней какие-нибудь требования так же неразумно, как желать, например, теплого снега или холодного огня; а не признавать за ней никаких обязанностей и стеснять себя ее условной важностью – значит поступить несколько не благоразумнее, чем поступают раскольники, известные под именем хлыстовцев, которые бичуют собственными руками свое тело для спасения будто бы души своей. Этим смелым выводом (продолжает наш воображаемый возражатель) г. Авдеев, может быть, кому-нибудь и обязан, только уж никак не тем произведениям, в подражании которым его обвиняют. Да и что значит самое это слово подражание? Последующий писатель есть законный наследник умственного капитала всех своих предшественников, наследник на том же самом праве, по которому он говорит на своем природном языке и, не беспокоясь

об изобретении новых букв, пользуется употребительной в его отечестве азбукой. К положению г. Авдеева, и вообще к положению всякого передового писателя, в значительной степени применяется то, что один из сильнейших мыслителей нашего времени⁴ высказал в защиту любимого им Вергилия, чуть не две тысячи лет обвиняемого в подражании будто бы Гомеру. «Я краснею, – говорит этот гениальный мыслитель, – я закрываю лицо свое, когда мне говорят о воровстве или подражаниях Вергилия: так стыдно бывает мне за новейшую критику. Наши аристархи, потерявши из виду цель «Энеиды», ни слова не понимая в ее историческом смысле, в ее социальной необходимости, в ее политическом и религиозном значении, воображают, будто эти десять тысяч стихов не более, как упражнение в версификации. Они открыли, что расположение первых четырех песен отзывается явным подражанием соответствующим песням Одиссеи; то же самое замечают они относительно описания игр и Энеева щита в пятой песне; они отыскивали пропасть сравнений, стихов и полустиший, будто целиком переведенных из «Илиады». Одним словом, они приняли за сущность поэмы то, что, собственно, я называю техникой; и так как они ничего не смыслят далее этой техники, то и произнесли с свойственной им докторальностью, что Вергилий создал не более, как подра-

---

⁴ ...один из сильнейших мыслителей нашего времени... – Имеется в виду знаменитый французский критик и поэт Шарль-Огюст Сент-Бев (1804—1869), неоднократно писавший о Вергилии.

жательное произведение, что пальма изобретения и оригинальности принадлежит певцу Ахиллеса. Они не понимают, какой незаслуженной обидой подобный упрек считал для себя Вергилий, сказавший по этому поводу, что ему гораздо легче было бы украсть у Геркулеса его палицу, чем хоть один стих у Гомера. Странно, что Вергилия, к довершению всего, до сих пор еще не обвинили за то, что он писал тем же гекзаметром, сочетанием долгих и коротких слогов... Я, с своей стороны, между двумя великими поэтами вижу другое отношение; я нахожу, что они настолько отличаются один от другого, насколько могут лишь отличаться два столетия, разделенные промежутком тысячи лет. Нужно быть слепым, чтобы не заметить этого, и нужно быть помешанным, чтобы смешивать такие вещи. Для убеждения в этом достаточно одной сколько-нибудь существенной параллели. Таковую параллель я нахожу между Андромахой и Бризеидой Гомера и между Лавинией и Дидоной Вергилия. Нет ничего ни более прекрасного, ни более трогательного, ни более исполненного поэзии, как прощание Гектора и Андромахи. Я желал бы моим красноречивым удивлением хоть что-нибудь прибавить к столь справедливо заслуженному удивлению тридцати столетий. Что мог сделать Вергилий лучшего? Ничего. Идеальнейшая сторона человеческой жизни, какую представляет собою законная супружеская любовь, безраздельно принадлежит Гомеру: в этом отношении после него ничего нельзя сделать. Разлука Бризеиды тоже довольно трогатель-

на; но так как ее положение, хотя и допускаемое греческими правами, гораздо ниже и щекотливее, то этот эпизод решительно не выдерживает никакого сравнения с первым. Общий тон «Илиады» возвышается или понижается сообразно естественной красоте вещей: это закон греческого поэта. Все нечистое, необлагороженное, безобразное или возбуждает в нем насмешку, или отталкивает его. – Но цивилизация шла вперед; нужно было идти за нею. – Что делает Вергилий? Он овладевает именно этим низшим, щекотливым положением Бризеиды, этою терпимою, но не узаконенною любовью, овладевает не для того, чтобы поднять ее до высоты и торжественности брака (новый поэт не преминул бы это сделать), не для того, чтобы превознести конкубинат на счет законного сожителства; – нет, но для того, чтобы, воспользовавшись всем, что только страсть и угрызения представляют самого трогательного, трагичного и вместе идеального, показать через это огромную бездну, которая разделяет достославную светлость супруги от наслаждений подспудной любви. Вергилий как бы скрадывает свою Лавинию, эту трижды непорочную супругу; он выводит на сцену любовницу одного дня, которую боги признали недостойной супружества. Если Дидона плачет и сокрушается, обвиняя сача себя, то она плачет и сокрушается не о своих погибших наслаждениях, как какая-нибудь любовница Абельярда; она горюет о невозможности брака, о котором смела мечтать в своем безумии; она убивается *per optatos hymenaeos*, – о вожде-

ленном супружестве. Какое нам дело до того, что Дидона напоминает Бризеиду, что даже самую любовь Энея и Дидоны первый воспел какой-то Аполлоний Родосский? Мы видим новые общественные комбинации, новые идеи, новые представления, вдохновенную, пророческую дерзость, которая любит останавливаться именно на том, пред чем греческий поэт отступал из страха иль по брюзгливости... Следуя народной легенде, Орфей, Геркулес, Тезей и Пиритой, один за другим, отправлялись в ад – кто для возвращения своей милой, кто для освобождения друга. Гомер знал эти басни и не воспользовался ими: он не сводил в ад ни одного из своих героев. Улисс в Одиссее вызывает души умерших на краю рва, в который он влил жертвенной крови, но проникнуть в самое царство мертвецов он не отваживается. Творец латинской эпопеи не останавливается перед этими ужасами: он ставит своего героя в непосредственное общение с другим миром, и он даже чувствует, что это одно из самых обязательных условий его поэмы «. – Вот какого мнения гениальный критик о так называемых заимствованиях или подражании, продолжает нам может быть на самом деле существующий антагонист. Г-н Авдеев, конечно, не Вергилий, но никто не может спорить, что по отношению к своим предшественникам у него тоже достало смелости войти в самый ад⁵, меж тем как они останавливались только у его входа. Кто

---

⁵ ...войти в самый ад... – намек на поэму Данте «Божественная комедия», в первой части которой («Ад») поэту сопутствует Вергилий.

виноват? – спрашивает один из этих предшественников⁶, да так и оставляет этот будто бы трудный вопрос без всякого решения. Г-н Авдеев, как человек рассудительный, напал на мысль, что ларчик открывается просто; он так непосредственно относится к своему предмету, что трудный вопрос отстраняется сам собою, даже не получает возможности возникнуть. И какой простой прием употребляет для этого автор «Подводного камня»! Он просто рассказывает нормальное поведение своих персонажей, действующих по таким же неотвратимым законам судьбы и природы, по каким солнечная сторона Невского проспекта привлекает вечерних посетителей и посетительниц, а магнит притягивает железо.

Что сказать против такой апологии? Высказанные здесь мысли действительно принадлежат гениальному критику, и г. Авдеев, по сравнению с своими литературными предшественниками, на самом деле осмелился войти в самый ад. Этого мало, в самом аду он открывает новый круг, который не был известен ни римскому маэстро, ни его итальянскому последователю. Со времени этих отдаленных от нас писателей цивилизация тоже не стояла, как не стояла до них; нужно было также идти за нею, – и Дидона г. Авдеева уже не знает никаких угрызений; касательно ортатос гумепоеос она самым крайним образом расходится во вкусах с карфагенской царицей. При таком положении дела оспаривать во что бы то ни стало всякую самостоятельную изобретательность

---

⁶ ...«один из этих предшественников. – Имеется в виду А.И.Герцен.

у г. Авдеева было бы неделикатно; но в то же время все-таки было бы несправедливо не заметить, что, ощутивши в себе смелость сойти в ад, г. Авдеев вплоть до самого входа в него держался за чужие фалды. Это до такой степени не подлежит сомнению, что если бы он свою героиню заставил остаться верной своему долгу жены и матери, сделав из этого обстоятельства для нее трагическое положение, или окончил свой роман бракоразводным делом, то его ни один журнал не решился бы напечатать, как вещь, и в том и в другом случае однажды уже напечатанную, никем из читающих еще не позабытую и многими доселе любимую. Брать чужие вымыслы, чтобы производить над ними новые комбинации, брать положения, придуманные другими, чтобы упражняться над ними в стилистике, – это гораздо более, чем техника: это просто чужой ум, чужое воображение. Через это мы вовсе не хотим сказать, чтобы вымыслы чужого ума и создания, чужого воображения не составляли нашего законного наследства; мы хотим сказать только, что они не составляют ничьего исключительного наследства и что роман г. Авдеева, состоящий из двух частей, за отчислением из него последней половины второй части, в остальных трех четвертях составляет такую же собственность г. Авдеева, как и пишущего эти строки и читающего их. Таким образом, г. Авдееву, – как автору, а не читателю своего романа, – принадлежит, собственно, адская экскурсия. На ней-то именно мы и намерены по этой причине остановиться.

Экскурсия начинается с того, что герой Комлев, будто бы влюбленный в Наташу, на предложение ее мужа устроить дело посредством развода и предоставления ей свободы располагать собою отвечает, что это было бы напрасно. «Я не женюсь на ней», – говорит он. Читатель, конечно, знает, что Комлев лично – человек свободный, не зависящий ни от чьей посторонней воли, ни от какого обязательства, ни от какой клятвы перед другою женщиною; ему даже ни одна цыганка не предсказывала, что женитьба принесет ему несчастье; имущественно он человек обеспеченный, да Наташа ничего и не потребовала бы от него благодаря тому обстоятельству, что у нее «наследственное есть»; стало быть, внешних препятствий к достижению того, что называют счастливой любовью, для Комлева не существует; влюблен он, если верить г. Авдееву, до всякого безумия, до разбития лба об стену. «Я не могу ждать долее; я разобью себе голову», – пишет он Наташе. И при всем этом он все-таки наотрез отказывается сделать свое и ее счастье, если бы счастье это обуславливалось женитьбой. Что за страшное дело – эта женитьба и что, собственно, в ней есть такую в сравнении с чем разбитие лба было бы желательною вещью? Для обыкновенной рассудительности тут представляется колоссальная путаница. Желать так сильно, чтобы не бояться потери жизни, и добиваться так слабо, чтобы бояться женитьбы – значит все то же, что бежать, сломя голову, медленным шагом. Разбитие лба имеет прямым своим последствием, без сомнения,

самое громадное зло, какое только есть, было и будет известно на обитаемой нами планете; обладание любимой женщиной составляет одно из величайших благ нашего существования. Нужно иметь особенную шишку на голове, чтобы из этих двух вещей не отвергнуть ту, которая так отвратительна. И однако ж Комлев выбирает именно отвратительную, как будто у него действительно есть такая шишка: блаженство разбития лба он предпочитает обладанию своей Наташей посредством женитьбы. Что же такое в этой женитьбе, чтобы для избежания счастья, достижимого при ее посредстве, стоило убивать себя? А крайний результат логики Комлева действительно должен бы быть таков, если бы на месте Соковлина был настоящий человек, а не одно только описание смутного подобия его. Предубеждения могут быть разные; можно быть предубежденным против женитьбы, можно быть предубежденным и в обратном смысле: но желать соединения с любимой женщиной именно тем способом, которым мы предубеждены, а в противном случае разбивать себе голову просто нечеловечески глупо, даже в романе. Так точно выходит это и у г. Авдеева. Доказать это мы в некоторой мере предоставим самому г. Авдееву в следующей сцене между двумя подобиями людей: мужа и соискателя его места; это самая важная страница во всем романе; в ней вся теория романа, стало быть, и ключ к объяснению могучего предубеждения Комлева. Сцену эту читатель, может быть, и без того помнит, да ведь, вероятно, не наизусть?

Жена мне сказала, – начал Соковлин тихо и медленно, – что вы любите друг друга... Вы можете из этого заключить, что она не принадлежит к тем женщинам, которые любят и мужа и любовника, или терпят одного при другом. Я не стесняю ни ее чувства, ни действий – но ее положение мне близко, и я приехал спросить вас, что вы теперь намерены делать?

И Соковлин прямо глядел в лицо Комлева.

За Комлевым была очередь смутиться.

– Когда любишь, – отвечал он, пожав плечами, – то не задаешь себе вопросов и целей: любовь сама по себе цель. Впрочем, если бы я имел какие-нибудь предположения, то должен сообщить их Наталье Дмитриевне и сообразоваться с ее желаниями, а я на это не имел ни времени, ни случая...

– Я полагал, – продолжал Соковлин тем же тоном, когда тот кончил, – что вы не принадлежите к тем... очень юным или всегда юным господам, которые смотрят легко на подобного рода вещи, или просто никак не смотрят на них... Я думал, что прежде, нежели разрушать семейное счастье, или если вы не допускали его, то по крайней мере прочное общественное положение любимой женщины – вы подумали, чем можете ей заменить его.

– Как же вы хотите, – мягко возразил Комлев, – чтоб я распоряжался судьбой замужней женщины, не спросив ни ее намерений, не зная, наконец, ваших, от которых она более зависит, чем от меня.

– Хорошо-с! – сказал Соковлин. – Я вам скажу мои наме-

рения. Чтобы ничем не стеснять Наталью Дмитриевну, я буду хлопотать о разводе с ней. Когда получу его, вы на ней можете жениться. Так-с? – спросил Соковлин.

Комлев с минуту подумал.

– Я на ней не женюсь! – твердо сказал он.

– Это отчего? – быстро вставая, спросил Соковлин, и вся кровь бросилась ему в голову. – Вы, значит, не уважаете ее?

– Напротив! Я никому не уступлю в уважении к ней, но тем не менее не женюсь, – тоже вставая и заложив руку за борт сюртука, сказал Комлев.

Соковлин вопросительно посмотрел ему в глаза.

– Не женюсь потому, – спокойно продолжал Комлев, – что женитьба и любовь, по-моему, две вещи разные. У меня есть свои убеждения о браке, и они вам известны. Я жениться не располагал и теперь не вижу причин изменять свои намерения.

Соковлин попытался было возразить против этого и заговорил было совершенно дельно. «Вы находите, – сказал он, – что гораздо удобнее любить чужую жену, не принимая на себя никаких обязательств? А муж между тем прикрывает бесчестье. Флаг прикрывает товар?» Но это ненадолго; Комлев забросал его фразами; потому что г-ну Авдееву решительно не стоило никакого труда вложить в уста Комлева такие слова, которые будто бы выходят побойчее. Но так можно распорядиться только с описаниями людей, а не с самими людьми. Надобно согласиться, что диалектика Комлева и к здравому

смыслу и к великости того интереса, о котором идет дело для Соковлина, относится одинаковым образом: чрезвычайно бессильно. Настоящий человек на месте Соковлина мог бы вести себя более победоносно; он заставил бы выдержать Комлева, положим, хоть такую беседу: – Г-н Комлев, я приехал говорить с вами о деле, которое для меня действительно все, и не только для меня, но и для той женщины, которую вы будто любите; к этому, как вам известно, у нас есть еще сын; а вы хотите танцевать передо мной на фразах: это с вашей стороны и нехорошо и нечестно. Вы говорите, что любовь сама по себе цель. Мы знали до сих пор философию для философии, искусство для искусства; вы исповедуете любовь для любви; это фраза и притом одна из самых бессмысленных. Да об этих пустяках мне и рассуждать с вами не приходится. Любовь и женитьба, по-вашему, две вещи различные, то есть что же это значит? Жениться там, где не любишь, а где любишь, там не жениться? Это все равно, что садиться за стол, когда сыт по горло, и избегать стола, когда голоден. Я, разумеется, хлопочу не об вас, но жена моя мне открылась, что она меня более не любит, а жить с ней без любви, *par force*⁷, было бы дико, по-турецки. Собственно, по вашей теории, мне тут бы и следовало держаться супружеской жизни; ведь, по-вашему, в этом-то вся и задача, чтобы женитьба была без любви; но вы должны согласиться, что вот теперешняя комбинация наших взаимных отноше-

---

⁷ насильно (франц.).

ний делает ваши рассуждения в высочайшей степени нелепыми. Внутренние отношения между мною и моею женою порваны, по крайней мере с ее стороны; цепляться за выгодные для меня внешние условия, чтобы удержать ее, я считаю и безвыгодным для себя и незаконным перед высшею нравственностью; а вы, напротив, все значение и придаете одной только внешности. Г-н Авдеев заставляет вас, по-видимому, действовать по внутренним побуждениям, имеющим будто бы некоторую глубину и основательность; но это неправда: вы стоите чисто за внешность; желая ратовать против китаизма⁸, вы, по милости г. Авдеева, являетесь именно китайцем, и притом в превосходной степени, можно сказать, китайским бонзою. Вы меня извините, но я должен вам сказать, что г. Авдеев и в других отношениях нас обоих дурачит. О себе я распространяться не буду, неприлично; но, собственно, вас он хочет представить человеком сильного организма и нормального человеческого поведения; вы отчасти даже сами поддаетесь этой лести, потому что дым ее сладок: а между тем на посторонний глаз вы не только не сильный организм, а почти что и не мужчина; ваше поведение не только не нормально, но и прямо противоположно таковому. Нормальное поведение влюбленных, в особенности если это действительно сильные организмы, состоит в непосредственной безрассудной, то есть неуправляемой размышлением, готовности на всякое сумасбродство. Вы тоже сума-

---

⁸ Китаизм – понятие, неоднократно употреблявшееся В.Г.Белинским.

сбродствуете; но вы помешаны не собственно на любви, а на какой-то жалкой теорийке о любви, на каких-то жалких подразделениях ее на женатую и холостую, на чем-то таком, чему здравый смысл не может придумать приличного названия. Вы вчера писали жене моей, что разобьете себе голову, теперь, любя в жене моей мать моего сына и уважая ее законную склонность к вам, я говорю вам, что этого не нужно, а вы мне отвечаете: не женюсь. Я должен надеяться, что вы откажетесь от своего предубеждения, основанного, в свою очередь, на величайшем предрассудке.

– И не женюсь, – должен отвечать Комлев. – Я сказал вам, что у меня есть свои убеждения о браке: я не отступаю от них.

– Свои убеждения? Послушайте, г. Комлев, – продолжал бы настоящий Соковлин, – я знаю, что вы не любите запаха ростного ладану, и вы совершенно вправе добиваться, чтобы им около вас не пахло. Предубеждения могут быть и против запахов; я, например, очень люблю всякий смолистый запах и терпеть не могу мускуса, который вы употребляете. Теперь вообразите, что проездом в какой-нибудь саратовской или оренбургской степи вы сбились с дороги и замерзаете; представьте потом, что в этом неудобном положении вы вдруг попадаете на хутор, состоящий из одной избы, в которой только что отслужили молебен и, стало быть, накурили ладаном. Я позволяю себе говорить с вами таким образом, во-первых, потому, что я слушал же вашу теорию, во-вторых, пото-

му, что ваш предрассудок касательно женитьбы на самом деле несколько не считаю значительнее вашего предубеждения против ростного ладану: оба эти предрассудка могут иметь условную уважительность, даже в глазах других, по отношению к вашим вкусам, и оба они могут быть также бессмысленны и ничтожны, смотря по тому, как вы прихотничаете и дурачитесь: в пределах рассудительности или с потерей всякого благоразумия. Обращаюсь к приведенному случаю: неужели для избежания неприятного для вас запаха вы решились бы замерзнуть?

– Да, я решился бы, – должен сказать Комлев, – если хочет остаться тверд в своей решимости, – не жениться.

– Так, наконец, вот что: мне просто завидно, что вы так легко хотите получить счастье, что не решаетесь для него отказать от самого ничтожного предрассудка. Со мною делается наоборот. Я говорю это с нестерпимым страданием, и говорю не для того, разумеется, чтобы вас тронуть, и, будь вы человек сколько-нибудь рассудительный, я бы вовсе не говорил этого. Со мною делается наоборот. Я лишаюсь моего счастья, и вы заставляете меня сделать усилие над моим предрассудком, что жене моей неудобно – жить с вами и продолжать носить мое имя, и что матери моего сына даже вовсе неудобно быть вашей любовницей. Будемте бороться с предрассудками: ваш – личная ваша прихоть; мой – общественное мнение. Ваше орудие борьбы состоит в застрашивании жены моей, что вы размозжите себе лоб; мое – в том,

что жене моей просто нельзя без моего согласия оставить моего дома... ну, хоть в полицейском отношении. Неужели вы в самом деле разобьете голову?

– Разобью! – должен проскрежетать Комлев.

– Ну, такая вам и дорога. Только знайте, что вы с этого времени во мнении жены моей – человек падший: вы дали мне полнейшую возможность доказать ей не только, что вы ее не любите, но что вы и не в своем уме.

Известно, что Соковлин не воспользовался своим выгодным положением. Он не попытался доказывать жене своей ни того, что Комлев гораздо более обожает свое самодурство, чем ее, ни того, что он совсем бы принадлежал к числу полупомешанных, если бы его не спасала приличная наружность. Одного усилия, одного речистого слова достаточно было Соковлину, чтобы убедить в этом свою Наташу: она вспомнила бы при этом первое объяснение Комлева: «Что же? Довольно терпеть и молчать!» Вспомнила бы его лаконическое «буду ждать», и более чем вероятно, что взгляд своего мужа она приняла бы за самый близкий к правде, а любовь свою – за простое кипение крови, за избыток сил. Но Соковлин ничего не сделал для достижения такого результата. Вместо всякой попытки на борьбу с своим соперником и очень вероятного поражения его в сердце Наташи он ведет себя... впрочем, он никак не ведет себя, а разговаривает с своей Наташей таким образом:

– Ну, я был у него, – сказал он тихо, как будто отдавая

ей отчет в поручении. – Я говорил ему, что готов выхлопотать развод, чтоб он мог жениться на тебе... но... он не согласился.

Соковлин робко взглянул на Наташу.

Она вся вспыхнула.

– Я это говорю не для того, – торопливо заговорил опять Соковлин, – чтобы осуждать его. Нет! Он имеет на это свои причины; он тебе скажет их.

– Я сама этого не хочу! – нетерпеливо сказала Наташа, перебивая его. – Довольно и одного обманывать!

– Какой же тут обман? Где же обман? Разве ты обманула меня?.. И проч.

Соковлин опять заговорил вздор, соображаясь с общим маршрутом, составленным г. Авдеевым для своей экскурсии; следует позабыть о нем.

– Сударыня! Вы сами не хотите? Но предложите Комлеву эту меру хоть для узнания степени любви его к вам: вы увидите, что он жалкий комедиант. Вы не хотите и этого; вы в нем уверены, вы предубеждены в его пользу. Нам остается только проникнуться удивлением к вашему характеру, жалеть о том, что любовь ваша простирается на такого человека, как Комлев, и желать того, чтоб вы были вероятны. Вы не то что Комлев, которым, в сущности, ничего не доказывается, так как подобные господа во имя своих идеек скорее имеют кровожадную склонность попользоваться чем-нибудь около других, чем потерять свое. Ваше «не хочу!»

имеет торжественность жертвоприношения, оно равняется призыву на великий подвиг. Вы собственным примером хотите показать, что и там можно носить гордо свою голову, где другие создания вашего пола обыкновенно поникают. Вы сознаете, что тайное падение есть последствие грубой силы, остаток варварских времен, и вы не унижаетесь до него: вы хотите возвести его на степень нормального поступка. Словом, вы с вашим героическим «не хочу» храбры, возвышенны; но, сударыня, вы невероятны, вы выдуманы, вы скопированы, и мы имеем причины опасаться, что из вашего поведения выйдет пародия на возвышенное дело, а не самое дело. Вы не приготовлены к подвигу: нам известно ваше воспитание и то, как вы росли, как вышли замуж и как жили замужем целые шесть лет, мы знаем наперечет все лица, с которыми вы сближались, и все разговоры, которые вы слышали, не исключая и споров между вашим супругом и Комлевым; из книг, которые вы читали, самое видное место принадлежит, без сомнения, романам Жорж-Занда; но всего этого еще мало, чтобы вы могли нажить такое смелое убеждение, которое вы обращаете в такое отважное поведение. Сударыня! Не делайте этого решительного шага: вы не совершите подвига, вы только сделаете из себя сатиру на весь ваш пол; г. Авдеев – опасный путеводитель. Посмотрите, как он объясняет ваше возвышенное не хочу: «Довольно одного обманывать!» Разве ваша теперешняя любовь предполагает уже другую, последующую, и разве вы сказали бы это, если бы вы

любили не по теории любовь для любви? Спросите у влюбленных по непосредственному, собственному чувству, а не по указанию какого бы то ни было автора, – так ли они чувствуют. Единодушные показания их будут состоять в том, что одно из неотделимых свойств любви есть уверенность в ее неистощимости и нескончаемости и что любовь измеряет себя вечностью. Это гордо, самонадеянно, помешанно, но это так. Мы сами знаем одного из таких людей, который безумствует следующим образом:

И если б я с тобою вечно
Мог говорить и рассуждать, –
Все много, много бесконечно
Мне оставалось бы сказать.
И если б я единым словом
Поэму стройную рождал,
И с этим словарем столь новым
Души я все б не рассказал.
И если б океан с волнами
Свой дивный говор отдал мне,
Все было бы нельзя словами
Мне душу выразить вполне,
И если б вечность доживала
Часы последние свои,
Ты все, ты все бы не узнала
Последних слов моей любви.

Стихи эти кажутся сумасшедшими, но тот, кто безумству-

ет ими, мучится об одном: что они недостаточно выражают силу его чувства. Ваша теория «любовь для любви» имеет тот недостаток, что она отнимает у вашего поступка чистоту и возвышенность, тогда как любовь без всякой теории могла бы придать ему и ту и другую. Оставайтесь при вашем не хочу, но не ездите, по крайней мере, за границу: в деле, которое вы защищаете вашим телом и вашим поведением, это чрезвычайно важно; в нем именно только это одно и важно. Поезжайте в Петербург; не употребляйте там никаких усилий скрывать вашу биографию и в особенности ваши настоящие отношения к Комлеву; не называйте себя ни его сестрой, ни дальней или близкой родственницей, а между тем добейтесь уважаемого общественного положения, по крайней мере, держите себя так, чтобы думающие о вас с неуважением и избегающие вашего общества возбуждали отвращение к своим предрассудкам, как возбуждает его всякое варварство, или казались смешными, как это бывает со всяким невежеством. Комлев, без сомнения, будет отговаривать вас: уж такая у него душонка; но вы стойте на своем, — он стоит такого урока, — хорошо вам было бы также проучить его, обнаружив больше чувствительности к вашему сыну и навязав его попечению вашего слишком благоразумно-безрассудного поклонника: поступите таким способом, и мы готовы простить и самому Комлеву его незаслуженное счастье и вас готовы считать поучительной. Но это было бы противно теории. Вы едете за границу, и едете с тем, чтобы возвратить-

ся оттуда все-таки не с Комлевым. Это водилось до вас и будет водиться после вас. Ваш пол от этого ничего не выиграл; количество положительных прав его нисколько не увеличилось. Вами также ничего не доказывается, как не доказывается и Комлевым. Поступая, по-видимому, наперекор предрассудку, вы на самом деле не хотите поднять даже соломинки к действительному разрушению предрассудка. С тех пор, как вы отправляетесь за границу, вы в такой же степени возбуждаете наше любопытство, как «Приключения английского милорда»⁹: не вы первая, не вы последняя. На ваш способ держать себя за границей накинута глубокая покрывка, но ни для кого не тайна, что и между заграничными людьми вы или вовсе избегаете тесных кружков и сближений, или вы не только сестра, родственница, но и законная супруга Комлева. Встречи с вашими соотечественниками вы непременно избегали; Комлев встречается с ними, но к себе их не водит. Сознанием неудобства вести такую жизнь вы избавляете, наконец, и себя от невозможного героизма гордо носить голову в вашем положении и выручаете г. Авдеева, которому предстоял неподъемный для него труд дать место такому положению в России: вы возвращаетесь в дом вашего невероятно супруга. Что означает промежуток времени, проведенный вами вне этого дома? Ничего; простой, ничем не осмыслен-

---

⁹ «Приключения английского милорда» – лубочный роман Матвея Комарова «Повесть с приключением аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркиграфине Фредерике Луизе», впервые изданный в 1782 году.

ный случай. Что означает, наконец, вы сами: пророчество или сатиру? Ни то, ни другое: для пророчества в вас нет ни вдохновения, ни правды; для сатиры в вас нет... опять-таки ни правды, ни вдохновения.

Замечательно, что роман г. Авдеева читается отлично; составлен он очень складно; рассказан превосходно; действующие в нем лица на первый взгляд люди хорошего общества и образования, и люди, по-видимому, умные; а между тем почти об каждом из отдельных положений можно доказать, что оно нелепо, о людях, что один из них полоумный и деспот, а другой ходит по нитке, будто боясь разбудить сердитого барина; и что объясняются и поступают они до такой степени странно, что можно удивляться, как это они не удивляются взаимным нелепостям. Это ничего, что «Подводный камень» почти всеми прочитан и что он даже почти всем понравился: не читать таких произведений в нашей литературе – значит зарываться; роман г. Авдеева имеет все условия, чтобы быть читаемым; а что касается до того, что он нравится при прочтении, то по этому еще нельзя судить, будет ли он нравиться и спустя некоторое время, в особенности спустя долгое время; «Тамарин» этого самого автора был в свое время тоже очень замечен, что, однако, не мешает ему быть очень забытым. Чего недостает этому писателю? Ум, блеск, занимательность – все это у него есть. Он не богат изобретательностью; он даже вовсе не изобретателен; недостаток этого свойства он заменяет начитанностью: зато начитанно-

стию свою он пользуется так искусно, что на первых порах она легко прослыивает за оригинальность. Но в этом-то все и дело: ума и начитанности достаточно для того, чтобы написать дельную, доказательную статью, а если нравится диалогическая форма, то с ними можно написать, пожалуй, разговор в царстве мертвых; но их мало, чтобы написать доказательный роман или другое какое-нибудь произведение одной с ним категории: драму, поэму и даже маленькие стишки, о которых, то есть о стихах, вообще принято думать, будто ими ничего не доказывается, кроме их собственной бесполезности. Произведениям г. Авдеева недостает одного свойства, такого ничтожного, что теперь самое название его употребляется с большими оговорками: им недостает художественности. Если слово это кому-нибудь не нравится, хотя совершенно напрасно, можно сказать иначе: им недостает доказательности; потому что в произведениях того рода, в котором пишет г. Авдеев, художественность есть доказательность. Недостает ее потому, что, верно, в уме г. Авдеева нет той специальности, которая необходима для того, чтобы доказывать по этому способу. Нашему журналу не один раз вменялось в упрек, на языке довольно жестком, будто он исповедует искусство для искусства, то есть пищу для пищи, гимнастику для гимнастики и проч. Это и прежде было не совсем так¹⁰, а теперь вовсе не так. Мы наравне со

---

¹⁰ Это и прежде было не совсем так... – Писемский этим подчеркивает, что он, как соредатор А.В.Дружинина, и прежде не разделял «теории искусства для

всеми рассудительными людьми признаем, что пища употребляется или для насыщения, если это хлеб или говядина, или для услаждения вкуса, если это сладкие пирожки и конфекты, и что к гимнастике обращаются или для развития сил, пока они еще способны развиваться, или для поддержания их, когда они уже потеряли способность к развитию. В искусстве мы видим¹¹ один из способов обнаруживать истину и, если угодно, доказывать ее, проводить, распространять, – способ для обнаружения некоторого разряда истин, единственно применимый и удобный и для всех других истин, доступных для обнаружения и доказательства посредством него, в высочайшей степени энергичный и верный. Всем известно, а может быть, и не всем, может быть, одним только специалистам известно, что на художественные выставки для получения степени или для достижения других целей нередко доставляются портреты с лиц, неизвестных присяжным ценителям, и что, однако, эти присяжные ценители, если они действительно знатоки, произносят безошибочный приговор о сходстве или несходстве портрета с незнакомым им человеком. Не говоря об общем выражении, они могут указывать даже черты, которые отнимают сходство или придают его, и в этом случае имеют возможность так же мало ошибаться в своих соображениях, как, на-

---

искусства».

¹¹ В искусстве мы видим... – Даваемое здесь определение искусства отражает материалистические и просветительские черты в мировоззрении Писемского.

пример, члены академии наук в своих суждениях о вероятности или невероятности какого-нибудь явления природы, о котором они получили известие от своего иностранного корреспондента. Что этим доказывается? Доказывается, что этот способ для обнаруживания правды, в своей верности, не уступает точным наукам¹² и что точность составляет даже необходимое условие доказательности по этому способу; доказывается также, что слово художественность не следует произносить с оговорками, тем более с иронией, и особенно с ядовитой, потому что степень этого-то именно качества в портрете и служит для присяжных ценителей орудием к открытию сходства или несходства между живописью и живым человеком, так как это качество по отношению к произведению искусства есть его логика, здравый смысл, сила доказательств. Когда мы говорим поэтому, что «Подводный камень» г. Авдеева, наряду с другими его произведениями, страдает отсутствием художественности, то мы говорим не какую-нибудь бессмысленную фразу, вроде следующей: «Роман г. Авдеева не удовлетворяет требованиям искусства для искусства», или: «В романе г. Авдеева нет того, чего нам хочется, без чего, конечно, он никому не может нравиться»; мы хотим сказать то же самое, что было бы сказано словами о какой-нибудь журнальной статье: «Ста-

---

¹² ...не уступает точным наукам... – Это положение, отражающее не только материалистические, но и позитивистские черты в мировоззрении Писемского, было им развито в статье о «Лихом человеке» Марко Вовчка.

тья эта бездоказательна», или: «Статья эта наполнена одними парадоксами», или, наконец: «Статья эта недобросовестна и поверхностна». Вот что нам хочется сказать о романе г. Авдеева, когда мы выражаем свое мнение о недостатке в нем художественности. И действительно, в романе г. Авдеева нет ни убедительности, ни художественной добросовестности, ни глубины и воздержности от парадоксов, выражаемых, разумеется, не словами и фразами, а живыми лицами, их действиями и положениями. Всего этого нет у него потому, что он вовсе не способен доказывать истину в той форме мышления, которую он избрал для себя: он на роман смотрит как на статью и преследует в нем свою утлую теориейку вроде: «любовь для любви», или: «об отношениях несвободных женщин к праздношатающимся хлыщам», а может быть, и какую-нибудь другую: потому что хорошенько понять этого нельзя. С г. Авдеевым случилось то же, что случилось бы с человеком, который бы для доказательства, что дважды два четыре, прибегнул к флейте или к скрипке. Нам хотелось бы указать на какое-нибудь самое осязательное доказательство в подтверждение той мысли, что в «Подводном камне» нет убедительности или художественности (потому что это одно и то же), а в ее авторе – художественной добросовестности, или, лучше, художественной совестливости, – хотелось бы указать так ясно, как обыкновенно указывают на явную несообразность в статье, только мы затрудняемся сделать это без оговорки. Оговорка наша состоит в том, что если нас

обвинят, собственно за это указание, в педантизме, в рутинизме, узком морализме или просто в pruderie¹³, то поступят несправедливо: побуждения наши другие, они совершенно искренние и основаны на непосредственном впечатлении, а не придуманы при написании этой статейки. Теперь самое указание: нам кажется, – нет, более, мы убеждены, что всякий не совсем, не дотла испорченный человек, сохранивший хоть сколько-нибудь душевной чистоты, в особенности обладающий некоторым художественным тактом, то есть просто порядочностию в образе мыслей, в окончательном результате непременно оскорбляется тем, что г. Авдеев так бесцеремонно распоряжается телом непорочной женщины из единственного побуждения оправдать свою мозговую выдумку. Талантливый писатель, хоть с небольшою искрою того огонька в сердце, который когда-то называли божественным, этого бы не сделал. Оговариваемся еще раз: нам казалось диким, странным, когда подобный упрек делали г. Тургеневу за его Елену¹⁴, нам показалось бы еще страннее, именно страннее, если бы такой упрек был сделан г. Достоевскому за его Наташу, в его новом романе, хотя мы прочитали пока одну только его часть («Униженные и оскорбленные». «Время». Январская книжка), – и мы не только оговариваемся этими примерами, но приводим их именно в доказательство нашего мнения, что тот же самый упрек по отношению к г. Авде-

---

¹³ показной добродетельности (франц.).

¹⁴ Елена – героиня романа И.С.Тургенева «Накануне» (1860).

еву совершенно справедлив и заслужен. Непорочность – существует, в этом нет никакого сомнения; существует и противоположное ему качество: г. Авдеев эти качества смешивает, смешивает, может быть, потому, что он берется выражать свои мнения в несвойственной ему форме, – в романе, может быть, в романе только и смешивает. Он знает, что бывают случаи убийства, за которые не судят и не ссылают; он слышал, может быть, о том судебном случае, в котором отец, убивший при известных смягчающих обстоятельствах обольстителя своей дочери, оправдался на английском суде такую защитительную речь: «Убить-то я его убил, но я жалею не об этом; мне жаль, что я не могу убить его двадцать раз»; но г. Авдеев думает, будто английский суд оправдал этого убийцу из одной только потачки, и что и другие суды во всех подобных случаях руководятся тоже одною потачкой, а не строгим правосудием. Вследствие такого неправильного взгляда (мы судим по роману) г. Авдеев не дает и своей Наташе другого оправдания, кроме потачки, исключительно и единственно одной только потачки: любовный и семейный кодекс г. Авдеева – терпимость, в нехорошем значении этого слова. Этим, конечно, объясняется, почему роман г. Авдеева имеет завидную долю нравиться столь многим читательницам; в этом, между прочим, заключается и причина того, отчего лучшие из читательниц (мы потому говорим лучшие, что нет ничего столь хорошего, что не предполагало бы еще лучшего), ищущие полноправности, но пренебрега-

ющие обидным снисхождением, почитают роман г. Авдеева приближающимся к памфлету.

Примечания

Статья впервые напечатана в «Библиотеке для чтения», 1861, № 2 (февраль). Она представляет собою первую программную редакционную статью Писемского после перехода журнала под его единоличную редакцию в ноябре 1860 года. Ввиду того, что до этого времени Писемский был соредактором А.В.Дружинина (1824—1864), границы между «дружининским» журналом и журналом Писемского не определялись отчетливо, и под новой редакцией в нескольких книжках также продолжали печататься произведения, принятые к печати еще при Дружинине. Но с 1861 года прежние сотрудники (и прежде всего сам Дружинин) фактически перестали печататься в журнале. В статье о «Подводном камне» Авдеева Писемский впервые решительно отмежевался от эстетических позиций Дружинина – теоретика «искусства для искусства». Эстетические взгляды Писемского были изложены преимущественно в двух статьях – о «Подводном камне» и о рассказе М.А.Маркович (Марко Вовчка) «Лихой человек» («Библиотека для чтения», 1861, № 4). В последней статье Писемский полемизирует с Н.А.Добролюбовым по вопросу о методе изображения крестьянства.

Статья печатается по тексту «Библиотеки для чтения».

А. П. Могилянский